

Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 2. С. 81–92.

Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 81–92.

Научная статья

УДК 81'42:821.161.1

DOI: 10.37482/2687-1505-V336

Возможные миры художественного текста: когнитивно-семантический аспект репрезентации времени (на материале романа В.В. Орлова «Альтист Данилов»)

Анна Игоревна Дзюбенко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

e-mail: aidzyubenko@sfnedu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3228-4277>

Аннотация. Статья посвящена изучению временной организации художественного текста с позиций когнитивно-семантического подхода. Художественное время рассматривается в тесной связи со смыслами, формирующими семантическое пространство текста. Соотнесенность событий, в рамках которой проявляется и художественное время, обнаруживает направленность художественного времени, которое, в свою очередь, участвует в формировании возможных миров. Цель настоящего исследования – выявление и описание особенностей конструирования возможных миров в координатах художественного времени, семантически маркированного в художественном тексте. Практическая значимость проведенного исследования заключается в обнаружении и описании принципов структурирования возможных миров посредством их временных координат, репрезентирующих синтез физического и психологического времени героя с включением в семантическое пространство художественного текста маркеров исторического времени. Материалом выступает текст романа В.В. Орлова «Альтист Данилов», к которому были комплексно применены индуктивно-дедуктивный и сравнительно-сопоставительный методы, когнитивно-семантический анализ, филологическая интерпретация. Автор приходит к выводу, что художественное время в тексте романа В.В. Орлова имеет важное значение в организации возможных миров и наиболее частотны его лексические маркеры «сегодня» и «теперь», фиксирующие когнитивно-семантические признаки мира, напоминающего читателю объективную действительность, пусть и отдаленную от него самого в историческом времени, а также фантастического мира, свойства которого ирреальны. В.В. Орлов создает синтез физического и психологического времени героя, в который может быть включено и историческое время (в этом случае задействованы фоновые знания читателя, позволяющие корректно декодировать прецедентные феномены). Семантика художественного времени в тексте романа иерархична и системна: текстовые репрезентанты манифестируют как универсальные представления о времени, так и индивидуально-авторскую вариативность в восприятии хронологических промежутков, что оказывает влияние на эмоциональную сферу читателя.

Ключевые слова: возможные миры, художественное время, художественный вымысел, авторская интенциональность, В.В. Орлов

Дзюбенко А.И.

Возможные миры художественного текста: когнитивно-семантический аспект репрезентации времени...

Для цитирования: Дзюбенко, А. И. Возможные миры художественного текста: когнитивно-семантический аспект репрезентации времени (на материале романа В.В. Орлова «Альтист Данилов») / А. И. Дзюбенко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 81-92. – DOI 10.37482/2687-1505-V336.

Original article

Thinkable Worlds of a Literary Text: A Cognitive and Semantic Aspect of the Representation of Time (Based on V.V. Orlov's Novel *Danilov, the Violist*)

Anna I. Dzyubenko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,

e-mail: aidzyubenko@sfnu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3228-4277>

Abstract. This article studies the temporal organization of a literary text from the standpoint of a cognitive semantic approach. Literary time is considered in close connection with the meanings that form the semantic space of a text. The correlation of events within which literary time is manifested shows the direction of literary time, which, in its turn, participates in the formation of thinkable worlds. The study aimed to determine and describe the features of the construction of thinkable worlds within the literary time semantically marked in a literary text. The practical significance of the research lies in identifying and describing the principles of structuring possible worlds by means of their temporal coordinates, representing a synthesis of a hero's physical and psychological time, with the inclusion of markers of historical time in the semantic space of a literary text. The author studied V.V. Orlov's novel *Danilov, the Violist* using the inductive-deductive and comparative methods, cognitive and semantic analysis, as well as philological interpretation. A conclusion is drawn that literary time in this novel is of great importance for the organization of thinkable worlds. Its most frequent markers are *segodnya* ('today') and *teper'* ('now'), lexicalizing the cognitive and semantic features of a world which reminds the reader of objective reality, albeit distant in historical time, as well as of a fantasy world, whose properties are unreal. Orlov creates a synthesis of the hero's physical and psychological time, which can also include historical time (in that case, the reader's background knowledge is involved, making it possible to correctly decode precedent phenomena). The semantics of literary time in the novel is hierarchical and systemic: textual representatives manifest both universal ideas about time and author's individual variability in the perception of chronological intervals, which affects the emotional sphere of the reader.

Keywords: *thinkable worlds, literary time, fiction, author's intentionality, V.V. Orlov*

For citation: Dzyubenko A.I. Thinkable Worlds of a Literary Text: A Cognitive and Semantic Aspect of the Representation of Time (Based on V.V. Orlov's Novel *Danilov, the Violist*). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta*. Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 2, pp. 81–92. DOI: 10.37482/2687-1505-V336

Введение. Изучение художественного времени в координатах моделирования возможных миров художественного текста – одно из актуальных направлений развития современной лингвистики. Лингвистическая теория семантики возможных миров основывается на постулате об объективации характеристик этих миров структурой языка и языковыми механизмами. Большинство лингвистов и филологов определяет возможные миры как миры, структурируемые текстами, в которых онтологические координаты мира окружающей действительности характеризуются изменениями, происходящими на уровне когнитивных структур и языковых значений. Представляется, что выявление и описание механизмов трансформации пространственно-временных координат в реализации авторского замысла в художественном тексте составляют одно из направлений развития положения о внутренней и внешней референции, выдвинутого П. Рикером [1]. С позиции внутренней референции возможный мир всегда истинен по отношению к художественному тексту и невозможен по отношению к действительному миру в сфере референции внешней: «...косвенная, или внутренняя, референция построена на руинах референции прямой, или внешней» [1, с. 426]. Возможный мир может обнаруживать отличия от мира действительности, продуцировать собственную онтологию, которая, так же как и в реальном мире, подразумевает наличие пространства и времени как основополагающих характеристик.

Вследствие этого для художественного времени характерен целый ряд отличий от времени объективной действительности: тесно связанное с субъективным восприятием, время в художественном тексте может быть замедлено, ускорено, может остановиться или вернуться в прошлое. Художественное время выступает наряду с художественным пространством основополагающей категорией существования художественного мира, который является вербализацией возможных миров, конструируемых авторским сознанием в соответствии с творческим замыслом.

Время в художественном тексте оказывается тесно связанным с теми смыслами, которые формируют семантическое пространство текста, а течение художественного времени обусловлено связями между компонентами текста на разных уровнях. Очевидно, что время репрезентировано в соотнесенности событий, которая, в свою очередь, манифестирует направленность художественного вымысла. Основной для художественного времени является сюжетная функция, тесно взаимодействующая с прагматической функцией, предполагающей воздействие на читателя, его сознание и эмоции. Научная новизна предпринятого исследования заключается в рассмотрении возможных миров художественного текста как таких концептуальных структур, которые функционируют в текстовом пространстве в координатах реальности/ирреальности, при этом реальность художественного текста имеет характеристики вымышленного мира, так же как и фантастический мир. Цель настоящей работы – на основе когнитивно-семантического анализа репрезентантов времени в тексте романа В.В. Орлова «Альтист Данилов» (впервые опубликован в 1980 году) выявить и описать специфику конструирования возможных миров, определяющих закономерности формирования художественного вымысла.

Обзор литературы. Общие свойства художественного мира обозначены Л. Долежелом в процессе изучения семантики возможных миров в художественном тексте. Художественный мир мыслится им как некая согласованная совокупность нереализованных возможных положений дел, а художественный текст, по мнению Л. Долежела, представляет собой вербализованную модель возможного мира, т. е. личности, свойства, события, положения дел организованы в нем сообразно функционированию категории возможного [2]. Онтологический статус художественного мира получает обоснование в сфере изучения художественной референции (см. также: [3]). Художественные миры, по мысли Л. Долежела, характеризуются поливариативностью и максимальным разнообразием, что обусловлено отсутствием логиче-

ских и физических ограничений как в процессе конструирования таких миров, так и в сфере физических возможностей.

Художественный мир получает семиотическую форму в соответствии с авторским замыслом, при этом автор предоставляет читателю набор кодов, на основании которого должны осуществляться рецепция и интерпретация текста [4]. Возможные миры, конструируемые в художественном тексте, в сущности, являются собой определенное воплощение того или иного вида модальности как отношения высказывания к реальности – алетической, деонтической, аксиологической, эпистемической, темпоральной, пространственной (см.: [5]). Представляется также, что зачастую художественный мир оказывается в своей структуре и функционировании шире, нежели возможные миры: он не только имеет пространственно-временные или событийные характеристики, но и включает авторскую и персонажную модальности, репрезентированные в соответствующих зонах повествования. Кроме того, художественный мир – это и аспекты манифестирования в тексте самих субъектов повествования, их отношения к художественному миру в целом и возможным мирам в частности.

Очевидно, что вследствие ограниченности объема и конечности художественного текста возможный мир, конструируемый в нем, неполон, т. к. в текст невозможно включить абсолютно все свойства, наименования и характеристики этого мира. Семантическая гетерогенность художественного мира обуславливается тем, что художественный текст иерархичен, внутренне противоречив ввиду надления его потенциальными возможностями репрезентации персонажей, авторской оценки, художественного пространства и времени, предметных деталей и проч. [6, 7]. Возможный мир конструируется в художественном тексте на основании иллюстрации автора и его интенциональности, благодаря которым задаются семантические параметры текстового пространства.

Ясно, что неполнота, гетерогенность и интенциональность отличают возможный мир

художественного текста от возможных миров в парадигме философии, тогда как функционирование категории возможного, максимальная неограниченность и доступность через семиотические каналы представляют собой качества, общие для всех типов возможных миров [5, 8, 9]. Возможный мир художественного текста как принципиально основанный на художественном вымысле [10, 11] изучается с позиций его лингвокогнитивных параметров: «В процессе взаимодействия с окружающей действительностью языковая личность оперирует ментальными мирами сознания, которые характеризуются разной степенью удаленности от реальности <...> На основе базисного мира, характеризующегося пространственно-временными рамками, в которых живут и действуют люди, автор художественного текста конструирует его языковую модель – вымышленный мир» [12, с. 1].

Онтологический статус художественного времени обуславливается тем, что оно выступает одной из форм существования возможного мира в тексте. Правомерно понимание художественного времени как образа, модели художественной реальности, не отражающей реально протекающего времени: иными словами, художественное время не референциально в отношении объективной действительности [13]. Синтез реального, перцептуального и индивидуального времени позволяет характеризовать художественное время как потенциально поливариативное: автор формирует возможный мир художественного текста в трех временных пластах – в реальном художественном времени, включая физиологическое и циклическое время человеческой жизни, в психологическом времени, а также в ирреальном художественном времени (астральном, волшебном, мифологическом, фантастическом и проч.).

Безусловно, для художественного времени релевантны не только характеристики образной модели реальной/ирреальной, объективной/субъективной действительности, но и признаки весьма эффективного и эффектного литературного приема. Автор как творческий

субъект волен распоряжаться художественным временем по своему усмотрению [14] для реализации художественных задач и конструирования многоуровневого семантического пространства художественного текста.

Переосмысление термина «хронотоп», заимствованного из естественно-научной парадигмы, применительно к художественному тексту приводит М.М. Бахтина к пониманию художественного пространства и времени как единства, представляющего собой формально-содержательную категорию, благодаря которой в тексте получают возможность освоения пространственно-временные отношения [15, с. 234]. Иными словами, художественный хронотоп позволяет понять, «каков тот мир, в который погружает нас произведение искусства, каково его время, пространство, социальная и материальная среда, каковы в нем законы психологии и движения идей, каковы те общие принципы, на основании которых все эти отдельные элементы связываются в единое художественное целое» [16, с. 87]. М.М. Бахтин правомерно указывает, что хронотоп, сообщая тексту композиционную структуру, участвует в организации сюжета, системы мотивов и образов, обуславливая в конечном счете жанровую принадлежность литературного произведения [15, с. 235]. Художественное время наряду с художественным пространством определяет формы существования художественного мира [17, с. 60].

В 1960-е годы постепенно формируется интерес к изучению хронотопа с позиций лингвистики, хотя изначально лингвистика текста фокусируется на поисках формальных средств связности, не обращаясь к содержательной стороне художественного текста [18]. Однако уже на рубеже 1970–80-х годов одной из задач лингвистики текста становится параметрирование текстовых категорий, что способствует выявлению интегральных и дифференциальных признаков текстовой структуры, особенностей организации языковых единиц и связей, которые устанавливаются между ними в тексте [19].

И.Р. Гальперин рассуждает о хронотопе как категории континуума, которая представляет собой «определенную последовательность фактов, событий, развертывающихся во времени и пространстве» [20, с. 87]. Хронотоп актуализирует движение художественной действительности во времени и пространстве, что придает художественному миру конкретность [20].

Художественное время может быть изучено именно как текстовая категория, т. к. только в тексте актуализируются «кардинальные особенности времени». Возможный мир не получает реализации вне «развертывания мысли» [20, с. 92], в статичном по своему характеру высказывании: этот мир продуцируется в семантическом пространстве текста [21, 22], которое не является простой суммой смыслов предложений, его составляющих [23, с. 71, 72].

Материалы и методы. Методология исследования определяется его объектом и предметом: для выявления и описания репрезентантов художественного времени комплексно применены индуктивно-дедуктивный и сравнительно-сопоставительный методы, когнитивно-семантический анализ, филологическая интерпретация. Материалом исследования выступает текст романа В.В. Орлова «Альтист Данилов»¹, в котором разнообразно представлены микро- и макроконтексты, характеризующиеся реализацией маркеров художественного времени в возможном мире художественного текста. В рамках изучения реализации художественного времени нами были привлечены работы о творчестве В.В. Орлова, принадлежащие к парадигмам литературоведения [24, 25], лингвокультурологии и эстетики [26].

Результаты. С позиций лингвистики художественное время – это текстовая категория, как и другие концептуальные категории, осуществляющие связь текста и реального мира. Время в художественном тексте как вербализованной модели возможного мира имеет план содержания и план выражения: в план содержания включены понятия, которые транслируются этой категорией;

¹Орлов В.В. Альтист Данилов: роман. М.: Эксмо-Пресс, 2000. 608 с.

план выражения представлен лингвистическими средствами, которые используются для выражения таких понятий. Кажется вполне очевидным, что и к плану содержания, и к плану выражения художественного времени адекватно применим когнитивно-семантический подход.

В плане содержания время является многозначным и сложным по своей структуре: в него включены сюжетное время (те события, из которых сюжет создается), персонажное время, в т. ч. субъективное восприятие героями времени, их биографическое время и время деятельности, время автора, которое эксплицирует авторскую «концепцию времени, его временную позицию по отношению к изображаемым событиям» [17, с. 64], а также время читателя, которое понимается как время его рецептивно-интерпретативной деятельности, рациональной и эмоционально-чувственной по своей природе [17, с. 65].

В тексте романа В.В. Орлова «Альтист Данилов» в процессе когнитивно-семантического анализа были обнаружены репрезентанты художественного времени, участвующие в формировании возможных миров в текстовом пространстве. Так, в следующем фрагменте представлен возможный мир реальности, которая, опираясь на фоновые знания читателя, транслирует признаки советской действительности 1970–80-х годов: «Не так давно Муравлевы отправились на выходные дни в Планерскую, в хороший дом отдыха. Но в Планерской Муравлеву не понравилось, он ругал жену, заманившую его за город редкими путевками, ругал местную кухню, а ночью, почувствовав сердечным боком пружину матраца, пробормотал в полудреме: “Чтоб он сгорел, этот дом отдыха!” Данилов находился далеко, но он был вольный сын эфира и принимал любую звуковую и душевную волну»².

В приведенном макроконтексте представлены лексические маркеры времени *не так давно*, *ночью*. Разумеется, художественное время выражено и посредством грамматических

форм глаголов, однако основная семантическая нагрузка, оказывающая влияние на эстетическую когницию читателя, принадлежит таким лексемам и лексическим сочетаниям, которые отсылают адресата к конкретному историческому времени (*хороший дом отдыха, редкими путевками*). Кроме того, в организации художественного времени участвует прецедентное высказывание, иронически обыгранное автором в соответствии с советскими реалиями: «вольный сын эфира» – цитата из поэмы М.Ю. Лермонтова «Демон» (1829–1839), однако значение лексемы *эфир* дополнено теперь трактовкой в парадигме физики – как всепроникающей среды, проявляющей себя электромагнитными волнами. Так что Данилов, будучи наполовину демоном, воспринимал волны как сверхъестественное существо, одновременно улавливая любые колебания среды и как радиоприемник.

Художественное время представляет собой категорию более высокого ранга, нежели грамматическое: грамматическое время, являясь морфологической категорией глагола, локализует события или состояния на временной шкале. Для функционирования категории художественного времени в возможном мире художественного текста особую важность имеет так называемая временная структура текста – система вербализованных особым образом отношений, призванных транслировать идею времени на основании общности семантики и текстовых функций.

Текст романа «Альтист Данилов» изобилует употреблением лексем со значением времени *сегодня* и *теперь*. Понятно, что действие совершается здесь и сейчас, однако события могут происходить в фантастическом мире, который равноправен с миром, напоминающим советскую действительность, и является миром возможным, например: «В Москве было тепло, мальчишки липкими снежками выводили из себя барышень-ровесниц, переросших их на голову, колеса трамваев

²Орлов В.В. Указ. соч. С. 15.

выбрызгивали из стальных желобов бурю воду, крики протеста звучали вослед нахалам таксистам, обдававшим мокрой грязью публику из очередей за галстуками и зеленым горошком. Однако, по предположениям Тёмиртауской метеостанции в Горной Шории, именно сегодня над Москвой теплые потоки воздуха должны были столкнуться с потоками студеными. Не исключалась при этом и возможность зимней грозы. Данилов потому и облюбовал Останкино, что оно испокон веков было самым грозным местом в Москве, а теперь еще и обзавелось башней, полюбившейся молниям. Он знал, что и сегодня столкновение стихий произойдет над Останкином. От нетерпения Данилов чуть было не притянул к себе лапландскую тучу, но сдержал себя и оставил тучу в покое»³.

Последнее предложение – «От нетерпения Данилов чуть было не притянул к себе лапландскую тучу, но сдержал себя и оставил тучу в покое» – отчетливо указывает на сверхъестественные способности главного героя, который является связующим звеном всех возможных миров романа. Репрезентация конкретных локусов происходящих событий (*Москва, Тёмиртауская метеостанция в Горной Шории*) позволяет читателю соотнести художественное время с собственным, субъективно переживаемым временем, при этом автор создает иллюзию вовлечения читателя в происходящие события.

В следующем фрагменте лексема *теперь* маркирует персонажное время: «И тут он не удержался, а, махнув на все рукой, позволил себе созорничать – противу правил оделил себя еще и положительным зарядом, и теперь два заряда жили в нем, никак, по воле Данилова, друг с другом не взаимодействуя, и Данилов в суете электрического движения неся, блаженствуя, но и рискуя потерять навсегда душевные свойства»⁴. В приведенном микроконтексте пред-

ставлен синтез физического и психологического времени героя (*теперь <...> не удержался – рискуя потерять <...> душевные свойства*). По всей видимости, такой сложный характер художественного времени в отношении персонажа обуславливается тем, что Данилов – не только трансформация образа готического демона [24], действия которого к тому же могут быть соотнесены с жанром готической легенды [25], но и творческая личность, музыкант, который благодаря творчеству, музыке и становится человеком [26]: «Данилов, похоже, не только в Клубе медицинских работников был сейчас, он был везде. А время замерло. Всюду замерло. Но не в музыке. Там оно текло – и быстро, и медленно, и рвалось, и перекатывалось по камням, в отчаянной усталости»⁵. Примечательна здесь репрезентация художественного времени: и как психологического времени героя, и как сущностного компонента самого искусства – музыки, которая существует как бы помимо усилий и сознания демона-альтиста Данилова, что реализовано в контексте посредством развернутой метафоры *текло – и быстро, и медленно, и рвалось, и перекатывалось по камням, в отчаянной усталости*.

Художественное время может быть репрезентировано и как синтез физического, психологического и исторического времени, например: «Данилов и теперь мог лететь куда собрался, но он знал, что в туче есть еще силы на два или три разряда, и он не смог отказать себе в удовольствии еще три раза искупаться в молнии. И вот он опять и опять падал с молнией на землю, кувыркаясь и расплескивая искры. А однажды в безрассудстве упоения бурей, ради гибельных и сладких ощущений, нейтрализовался на миг и все же успел вернуться в свою сущность. Дважды опять он попадал в стальную иглу, а в третий раз, увлекшись, промазал и расщепил старый парковый дуб возле катальной горки. Тут и опомнился»⁶. Обратим

³ Орлов В.В. Указ. соч. С. 23.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 360–361.

внимание, что время, которое лишь условно можно назвать историческим в пространстве художественного вымысла, автор репрезентирует через конкретные московские локусы в *стальную иглу <Останкинской телебашни>, парковый дуб возле катальной горки*, тогда как физическое время эксплицировано лексемами и лексическими сочетаниями со значением времени (*теперь, еще три раза, дважды, в третий раз*), а психологическое время героя транслируется посредством лексем и лексических сочетаний с эмотивным значением (*не смог отказать себе в удовольствии, в безрассудстве упоения бурей, ради гибельных и сладких ощущений, успел вернуться в свою сущность, увлекшись, промазал*). Когда художественное время сосредоточено на психологических состояниях героя, другие виды времени приостановлены, с тем чтобы рецептивно-интерпретативная деятельность читателя осуществлялась корректно.

Автор имеет возможность нарушать хронологическую последовательность событий: так художественное время приобретает характеристики эстетического приема, становясь развернутой временной метафорой [27], а ретроспекции и проспекции, образуя сложное единство, обретают эстетическую значимость [28, с. 104].

В тексте романа представлен следующий макроконтекст, иллюстрирующий данное положение: «Когда принято было летать с рулем и ветрилами, он летал с рулем и ветрилами, но уж какие это были ветрила! Потом увлеклись крыльями, и Данилов одним из первых пошил себе крылья, глазеть на них являлись многие. Каркасы из дамасской стали Данилов обтянул прорезиненной материей, материю же эту он обложил сверху павлиньими перьями, а снизу обшил черным бархатом и по бархату пустил дорожки из мезенских жемчугов. Крыльев он пошил восемь, два запасных и шесть для полетов, чтобы было как у серафимов. Крылья были замечательные, теперь они валяются где-то в кладовке. Данилов не выбросил их совсем,

старые вещи трогают иногда до слез его чувствительную душу. Потом были в моде дизельные двигатели, резиновые груши-клаксоны со скандальными звуками, мотоциклетные очки, ветровые гнутые стекла, выхлопные трубы с анодированными русалками и еще что-то, все не упомнишь. Потом кто-то нацепил на себя алюминиевые плоскости – и начался бум. Что тут творилось! Многие знакомцы Данилова доставали себе удивительные крылья – и от “боингов”, и от допотопных “фарманов”, по четыре каждый, и даже от не существовавших тогда “конкордов”. “Тьфу!” – сказал себе Данилов. Он был щеголем, порой и рискованным, но маклаковскую моду принять не желал. Мода ведь только создается в Париже или там в Москве, а живет-то она в Фатеже и Маклакове. А пока дойдет она до Маклакова, через голову десять раз перевернется и сама себя узнавать перестанет, вот с приходом ее и начинают юноши в Маклакове носить расклешенные на метр штаны с бубенцами и лампочками на батарейках возле туфель. Нет, Данилов тогда не суетился, он скромно достал крылья от “Ил-18”, ими и был доволен. И теперь, когда знакомые его увлеклись космическим снаряжением, Данилов не стал добывать ни скафандров, ни капсул. То ли постарел, то ли надоели ему обновки. И не нужны были ни ему, ни его знакомым ни крылья, ни двигатели, ни скафандры, все ведь это было так, побрякушки! Цветные стеклышки для папуасов! Однако и теперь, может, по старой привычке, а может, ради баловства, Данилов приобрел для полетов кое-какие приборы и технические приспособления. Не захотел отставать от других»⁷.

Сам по себе приведенный фрагмент является ретроспекцией в отношении основного действия романа, однако и в его семантическом пространстве есть «точечные» отсылки не только к разным периодам в развитии автомобилестроения (*дизельные двигатели, резиновые груши-клаксоны со скандальными звуками, мо-*

⁶Орлов В.В. Указ. соч. С. 28.

⁷Там же. С. 31–33.

тоциклетные очки, ветровые гнутые стекла, выхлопные трубы с анодированными русалками), авиации (алюминиевые плоскости ... от «боингов», и от допотопных «фарманов», по четыре каждый, и даже от не существовавших тогда «конкордов», крылья от «Ил-18») и космонавтики (ни скафандров, ни капсул), но и к тем ухищрениям, к которым в советскую эпоху прибегали модники 1960–70-х годов: *Мода ведь только создается в Париже или там в Москве, а живет-то она в Фатеже и Маклакове. А пока дойдет она до Маклакова, через голову десять раз перевернется и сама себя узнавать перестанет, вот с приходом ее и начинают юноши в Маклакове носить расклеенные на метр штаны с бубенцами и лампочками на батарейках возле туфель.*

На наш взгляд, в описании крыльев Данилова присутствует и аллюзия к картинам М.А. Врубеля (1856–1910) «Демон летящий» (неоконч., 1899) и «Демон поверженный» (1901–1902), реализующая прецедентность: *Каркасы из дамасской стали Данилов обтянул прорезиненной материей, материю же эту он обложил сверху павлиньими перьями, а снизу обшил черным бархатом и по бархату пустил дорожки из мезенских жемчугов.* Представляется весьма показательным «развенчание» фантастики и перемещение действия в рамки физического времени героя в контексте: *Крыльев он пошил восемь, два запасных и шесть для полетов, чтобы было как у серафимов. Крылья были замечательные, теперь они валяются где-то в кладовке.* Эта деконструкция ситуации мира вечного вне времени реализована посредством употребления глагола в форме прошедшего времени *пошил* и наречия времени *теперь*. Важно здесь и введение локуса *в кладовке*, перемещающего читателя в обыденность (в случае со временем действия романа – в советскую действительность 1970-х), и сравнительный оборот *как у серафимов*, продуцирующий авторскую иронию.

Безусловно, нарушение равномерности течения художественного времени направ-

лено на достижение когнитивно-прагматического эффекта: различного рода авторские отступления, воспоминания героев и проч. оказывают влияние на эстетическое познание и эмоциональную сферу читателя. Д.С. Лихачев подчеркивал, что «литература в большей мере, чем любое другое искусство, становится искусством времени. Время – его объект, субъект и орудие изображения. Сознание и ощущение движения и изменемости мира в многообразных формах времени пронизывает его структуру» [29, с. 209–210]. Очевидно в связи с этим, что художественное время является одним из важных средств совмещения эмоциональных, эмпирических и смысловых признаков возможного мира, в конечном счете оказывая влияние на «погружение» читателя в художественный мир конкретного текста.

Заключение. Наряду с художественным пространством художественное время выступает одной из важнейших текстовых и понятийных категорий существования возможных миров в художественном тексте. Художественное время поливариативно, т. к. обнаруживает синтез реального, эмпирически воспринимаемого и психологического времени.

Анализ репрезентантов художественного времени в тексте романа В.В. Орлова «Альтист Данилов», проведенный с позиций когнитивно-семантического подхода, позволил установить определяющее значение, которое имеет время для организации возможных миров в текстовом пространстве. Наиболее частотными оказались лексемы *сегодня* и *теперь*, однако и они участвуют в формировании не только того мира, что напоминает читателю объективную действительность, но и фантастического мира с его ирреальными характеристиками. В художественном тексте представлен нерасторжимый синтез физического и психологического времени героя, в который зачастую включены элементы времени исторического: в последнем случае автор опирается на фоновые знания читателя, что приводит к реализации прецедентности. Иерархичность темпоральных

значений, возникающих в семантическом пространстве художественного текста, имеет своей целью создание корректного вектора рецептивно-интерпретативной деятельности читателя. При том, что в художественном тексте на основании функционирования художественного вымысла структурируются возможные миры, они всегда транслируют универсальные представления о времени и его свойствах: насыщенность событиями, цикличность/линейность времени, временная

фиксированность событий, дискретность/континуальность времени и проч.

Изучение специфики художественного времени с позиций функционирования художественного вымысла в перспективе может способствовать уточнению статуса тех или иных когнитивных структур в индивидуально-авторских и национальных картинах мира, а также дать дополнительный импульс развитию таких направлений лингвистических исследований, как когнитивная поэтика и лингвопоэтика.

Список литературы

1. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры: сб. / вступ. ст., сост. Н.Д. Арутюновой; пер. под ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 416–434.
2. Doležel L. Heterocosmica: Fiction and Possible Worlds. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 1998. 339 p.
3. Бразговская Е.Е. Референция и отображение (от философии языка к философии текста). Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2006. 191 с.
4. Феценко В.В. Художественная коммуникация: от семиотических моделей к лингвоэстетической теории // Слово.ру: балт. акцент. 2021. Т. 12, № 1. С. 7–31. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-1-1>
5. Руднев В.П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 428 с.
6. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 14–285.
7. Зельдович Г.М. Взаимоподобие смыслов и структура художественного текста // Слово.ру: балт. акцент. 2020. Т. 11, № 1. С. 87–100. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-1-5>
8. Эпштейн М. Философия возможного. СПб.: Алетейя, 2001. 334 с.
9. Иванов Д.И., Лагербай Д.Л. Когнитивная гуманитарная семиотика как «точка роста» филологического знания // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9: Филология. 2023. № 3. С. 65–78. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-3-6>
10. Walsh R. Fictionality as Rhetoric: A Distinctive Research Paradigm // Style. 2019. Vol. 53, № 4. P. 397–425. <https://doi.org/10.5325/style.53.4.0397>
11. Клейменова В.Ю. Фикциональность и вымысел в тексте // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2011. № 143. С. 94–102.
12. Клейменова В.Ю. Фикциональное событие: ментальный конструкт и средства его вербализации // Russ. Linguist. Bull. 2023. № 1(37). Ст. № 27. <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.37.26>
13. Minnullina E.B. Time as Duration in Artistic Communication // Galact. Media J. Media Stud. 2023. Vol. 5, № 2. P. 157–176. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i2.395>
14. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принципы Причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Изд. центр РГГУ, 1995. С. 35–73.
15. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. С. 234–407.
16. Лихачев Д. Внутренний мир художественного произведения // Вопр. лит. 1968. № 8. С. 74–87.
17. Темирбулатова А.Б. Художественное время и пространство: их значение и функции // Вестн. Казах. нац. ун-та. Сер. филол. 2001. № 1. С. 60–67.
18. Кривонос А.Т. «Лингвистика текста» и исследование взаимоотношения языка и мышления // Вопр. языкознания. 1986. № 6. С. 23–37.
19. Дымарский М.Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). 2-е изд., испр. и доп. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 328 с.

20. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004. 139 с.
21. Бабенко Л.Г. Когнитивно-дискурсивные множества как комплексные парадигмы языковых и речевых единиц в аспекте категоризации и концептуализации мира // Когнитив. исслед. яз. 2020. № 3(42). С. 30–35.
22. Бабенко Л.Г., Бабенко В.Г. Когнитивные технологии в филологии: концептуальный анализ художественного текста // Вопр. когнитив. лингвистики. 2019. № 4. С. 135–140. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-4-135-140>
23. Гальперин И.Р. О понятии «текст» // Вопр. языкознания. 1974. № 6. С. 68–77.
24. Осьмухина О.Ю., Трушкина А.П. Трансформация образа готического демона в романе В. Орлова «Альтист Данилов» // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2021. Т. 14, вып. 2. С. 289–293. <https://doi.org/10.30853/phil201036>
25. Сафрон Е.А. Жанр городской легенды как один из элементов поэтики городской фэнтези // Филология и человек. 2017. № 3. С. 139–147.
26. Волков В.В. «Человек эстетический» в романе В. Орлова «Альтист Данилов»: о квазитезаурусе жизне-творчества музыканта // Язык и культура (Новосибирск). 2013. № 5. С. 179–185.
27. Калашиникова Л.В. Метафора и когнитивно-дискурсивное моделирование действительности. Орел: Изд-во ОрГАУ, 2008. 304 с.
28. Арнхейм П. Новые очерки по психологии искусства / пер. с англ. Г.Е. Крейдлина. М.: Прометей, 1994. 352 с.
29. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд., доп. М.: Наука, 1979. 360 с.

References

1. Ricoeur P. *Metaforicheskiy protsess kak poznanie, voobrazhenie i oshchushchenie* [Metaphorical Process as Cognition, Imagination and Sensation]. Arutyunova N.D. (comp.). *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow, 1990, pp. 416–434.
2. Doležel L. *Heterocosmica: Fiction and Possible Worlds*. Baltimore, 1998. 339 p.
3. Brazgovskaya E.E. *Referentsiya i otobrazhenie (ot filosofii yazyka k filosofii teksta)* [Reference and Reflection (from Philosophy of Language to Philosophy of Text)]. Perm, 2006. 191 p.
4. Feshchenko V.V. *Literary Communication: From Semiotic Models to a Theory of Linguistic Aesthetics*. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 2021, vol. 12, no. 1, pp. 7–31 (in Russ.). <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2021-1-1>
5. Rudnev V.P. *Proch' ot real'nosti: issledovaniya po filosofii teksta* [Away from Reality: Studies on the Philosophy of Text]. Moscow, 2000. 428 p.
6. Lotman Yu.M. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The Structure of the Artistic Text]. Lotman Yu.M. *Ob iskusstve* [On Art]. St. Petersburg, 1998, pp. 14–285.
7. Zeldovich G.M. *The Mutual Similarity of Meanings and Structures in a Literary Text*. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 87–100 (in Russ.). <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2020-1-5>
8. Epstein M.N. *Filosofiya vozmozhnogo* [A Philosophy of the Possible]. St. Petersburg, 2001. 334 p.
9. Ivanov D., Lakerbai D. *Cognitive Humanitarian Semiotics as a 'Growth Point' of Philological Knowledge*. *Lomonosov Philol. J. Ser. 9 Philol.*, 2023, no. 3, pp. 65–78 (in Russ.). <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0075-9-2023-47-3-6>
10. Walsh R. *Fictionality as Rhetoric: A Distinctive Research Paradigm*. *Style*, 2019, vol. 53, no. 4, pp. 397–425. <https://doi.org/10.5325/style.53.4.0397>
11. Kleymenova V.Yu. *Fiktional'nost' i vymysel v tekste* [Fictionality and Fiction in Text]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*, 2011, no. 143, pp. 94–102.
12. Kleymenova V.Yu. *Fiktional'noe sobytie: mental'nyy konstrukt i sredstva ego verbalizatsii* [Fictional Event: A Mental Construct and the Means of Its Verbalization]. *Russ. Linguist. Bull.*, 2023, no. 1. Art. no. 27. <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.37.26>
13. Minnullina E.B. *Time as Duration in Artistic Communication*. *Galact. Media J. Media Stud.*, 2023, vol. 5, no. 2, pp. 157–176. <https://doi.org/10.46539/gmd.v5i2.395>
14. Stepanov Yu.S. *Al'ternativnyy mir, Diskurs, Fakt i printsipy Prichinnosti* [Alternative World, Discourse, Fact and Principles of Causality]. Stepanov Yu.S. (ed.). *Yazyk i nauka kontsa 20 veka* [Language and Science of the Late 20th Century]. Moscow, 1995, pp. 35–73.
15. Bakhtin M.M. *Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike* [The Forms of Time and Chronotope in the Novel. Essays on Historical Poetics]. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Studies of Different Years]. Moscow, 1975, pp. 234–407.

16. Likhachev D. Vnutrenniy mir khudozhestvennogo proizvedeniya [The Inner World of a Work of Art]. *Voprosy literatury*, 1968, no. 8, pp. 74–87.

17. Temirbulatova A.B. Khudozhestvennoe vremya i prostranstvo: ikh znachenie i funktsii [Artistic Time and Space: Their Meaning and Functions]. *Vestnik Kazakhskogo natsional'nogo universiteta. Seriya filologicheskaya*, 2001, no. 1, pp. 60–67.

18. Krivonosov A.T. “Lingvistika teksta” i issledovanie vzaimootnosheniya yazyka i myshleniya [“Text Linguistics” and the Study of the Relationship Between Language and Thinking]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1986, no. 6, pp. 23–37.

19. Dymarskiy M.Ya. *Problemy tekstoobrazovaniya i khudozhestvennyy tekst (na materiale russkoy prozy XIX–XX vv.)* [Problems of Text Formation and Literary Text (Based on the Russian Prose of the 19th–20th Centuries)]. Moscow, 2001. 328 p.

20. Gal'perin I.R. *Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an Object of Linguistic Research]. Moscow, 2004. 139 p.

21. Babenko L.G. Kognitivno-diskursivnye mnozhestva kak kompleksnye paradigmy yazykovykh i rechevykh edinit v aspekte kategorizatsii i kontseptualizatsii mira [Cognitive and Discourse Sets as Complex Paradigms of Linguistic and Speech Units in the Aspect of World Categorization and Conceptualization]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2020, no. 3, pp. 30–35.

22. Babenko L.G., Babenko V.G. Kognitivnye tekhnologii v filologii: kontseptual'nyy analiz khudozhestvennogo teksta [Cognitive Technologies in Philology: Conceptual Analysis of a Literary Text]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 2019, no. 4, pp. 135–140. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2019-4-135-140>

23. Gal'perin I.R. O ponyatii “tekst” [On the Concept of Text]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1974, no. 6, no. 68–77.

24. Os'mukhina O.Yu., Trushkina A.P. Transformatsiya obraza goticheskogo demona v romane V. Orlova “Al'tist Danilov” [Transformation of Gothic Demon's Image in V. Orlov's Novel “Danilov, the Violist”]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 289–293. <https://doi.org/10.30853/phil201036>

25. Safron E.A. Zhanr gorodskoy legendy kak odin iz elementov poetiki gorodskoy fentezi [The Urban Legend Genre as One of the Elements of Urban Fantasy Poetics]. *Filologiya i chelovek*, 2017, no. 3, pp. 139–147.

26. Volkov V.V. “Chelovek esteticheskii” v romane V. Orlova “Al'tist Danilov”: o kvazitezauruse zhiznetvorchestva muzykanta [Homo aestheticus in V. Orlov's Novel *Danilov, the Violist*: On the Quasi-Thesaurus of the Musician's Creativity]. *Yazyk i kul'tura (Novosibirsk)*, 2013, no. 5, pp. 179–185.

27. Kalashnikova L.V. *Metafora i kognitivno-diskursivnoe modelirovanie deystvitel'nosti* [Metaphor and Cognitive-Discursive Modelling of Reality]. Orel, 2008. 304 p.

28. Arnheim R. *New Essays on the Psychology of Art*. Berkeley, 1986. 348 p. (Russ. ed.: Arnkheym R. *Novye ocherki po psikhologii iskusstva*. Moscow, 1994. 352 p.).

29. Likhachev D.S. *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moscow, 1979. 360 p.

Информация об авторе

А.И. Дзюбенко – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Южного федерального университета (адрес: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105/42).

Information about the author

Anna I. Dzyubenko, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Intercultural Communication and Foreign Language Teaching Methods, Southern Federal University (address: ul. B. Sadovaya 105/42, Rostov-on-Don, 344006, Russia).

Поступила в редакцию 17.08.2023

Одобрена после рецензирования 15.01.2024

Принята к публикации 19.01.2024

Submitted 17 August 2023

Approved after reviewing 15 January 2024

Accepted for publication 19 January 2024